

Фэн Цяньсюэ лягнул его через одеяло:

— Ничего толком не знаешь, а все равно собираешься идти за ним.

Се Жэнь с улыбкой подался ближе, намереваясь поцеловать его, но Фэн Цяньсюэ уклонился:

— Твои родители за стеной.

— Ну и что, что родители? Я же просто поцелую, а не... — Се Жэнь посмотрел на него с невинным видом. «И ничего другого делать не собирался, да ты бы наверняка и не позволил».

Фэн Цяньсюэ откинул одеяло:

— Протяни руку.

Се Жэнь искренне опешил:

— И за это драться?

— Протянешь или нет?

Младший господин Се быстро сообразил, что к чему: протянет, прямо сейчас протянет, хочешь обе руки сходу отдать?

Фэн Цяньсюэ хлопнул ему в ладонь расшитый мешочек:

— Это тебе.

— Мне? — Се Жэнь растерялся. — Что это?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Восьмое число десятой луны — твой день рождения. Похоже, тебе придется встретить его на горе Ханьшань, так что дарю заранее. Открой и посмотри.

В мешочке оказалось немало вещей: наручи с синими камнями, шелковый пояс, доспех Фэйлу, защитный покров Нингуан... Всего под два десятка разных предметов. Се Жэнь повалился на кровать и принялся перебирать их один за другим с весьма смешанными чувствами. Получить подарок от любимого — это, конечно, радость, вот только... почему все это защитное снаряжение?

Фэн Цяньсюэ пояснил:

— Побоялся, что на горе Ханьшань тебя заставят стоять на коленях и побьют, вот и выбрал наскоро эти вещи.

Се Жэнь сел на кровати, скрестив ноги:

— Почему мне кажется, что у тебя недобрый умысел? Под видом подарка ты просто пытаешься меня отговорить.

— Так ты берешь или нет? Не хочешь — верни.

— Эй, нет, беру! Ты уже подарил, с какой стати забирать назад? — Се Жэнь сгреб вещи к себе.

— Но после твоих слов мне и самому кажется, что порки скорее всего не избежать. Так что лучше подготовиться заранее, чем потом терпеть сквозь сжатые зубы.

Фэн Цяньсюэ снова лег на кровать и лениво напомнил:

— Если защиты окажется мало, не стесняйся, пиши мне, пришлю еще.

Се Жэнь зажал ему рот:

— Ладно-ладно, хватит меня пугать, давай о чем-нибудь другом.

Фэн Цяньсюэ косо посмотрел на него:

— О другом? О чем же? О том, как тренироваться в самые лютые морозы и знойные дни, бегать по горам с камнем в три тысячи цзиней на плечах или голыми руками скручивать восемьсот стальных тросов в один канат?

Се Жэнь возразил:

— Я отправляюсь учиться у владыки, а не на тяжелые работы на гору Цянькуан.

— За тяжелую работу на горе Цянькуан хотя бы платят нефритовыми монетами, — Фэн Цяньсюэ повернулся на другой бок. — Все, хватит разговоров, спать.

Се Жэнь пододвинулся и обнял его:

— Правда даже поцеловать не дашь?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Угу.

И Се Жэнь действительно не стал его целовать.

Фэн Цяньсюэ с досадой подумал: «Почему ты не проявил такой послушности, когда я просил тебя не уходить с владыкой Яоцюэ?»

Спустя несколько дней все вокруг узнали о том, что владыка Яоцюэ берет Се Жэня в ученики и забирает с собой в город Поцзюнь. Весь мир заклинателей от мала до велика замер от зависти.

Ничего не поделаешь, кому-то с рождения улыбается удача. Ему всего лет семнадцать-восемнадцать, а он уже сияет, словно ослепительный луч света. А стоит человеку прославиться, как его прошлые проделки — ловля рыбы, погони за курами, прогулы уроков да поджоги лесов в горах — перестают казаться дурными примерами непослушания. Теперь в них видят лишь кипучую жизненную силу, присущую только гениям! Вы только представьте: среди густой зелени гор статный юноша в белоснежных одеждах одним взмахом меча вздымает пламя... Ах, каков вольный порыв, какая упоительная свобода!

Ли Хуань произнес:

— Да что тут упоительного? Пусть постоят в лесу да поглотают дыму, мигом всю эту глупую чушь из головы выбьет.

Се Жэнь откинулся на спинку кресла, закинув ногу на низкий столик, и скучающе разглядывал

плывущие по небу облака:

— Я в эти дни вообще на улицу выходить не хочу.

Стоит показаться снаружи, как набегает толпа знакомых и незнакомых людей, перебивающих друг друга приветствиями. Куда бы ты ни пошел и чем бы ни занялся, со всех сторон доносятся нелепые овации и восторженные возгласы — тоска смертная.

— Вот окажешься на горе Ханьшань, там ты этой суеты со свечой не найдешь, — Мо Чи поднял кувшин и налил вина. — На днях я проходил мимо представительства дворца Луаньюй и случайно встретил владыку. До чего же величественный вид! Ему даже слова молвить не надо: стоит ему встать, как вокруг на целые ли ни одна душа звука издать не смеет. А-Жэнь, ты уже придумал, как будешь с ним ладить?

— Не думал и думать не хочу, — Се Жэнь прижмурился. — Если перестану лениться и буду усердно тренироваться, то мне без разницы, насколько он величествен. Чем раньше закончу обучение, тем скорее спущусь с гор. Авось к следующему маю как раз успею, чтобы вместе с вами погулять на Празднике фонарей.

Праздник фонарей каждый год устраивал клан Лю из Циньхуая. Сотни ли речных вод заполнялись прогулочными судами, изящными мелодиями флейт и цитр, а вся река озарялась плавающими фонариками, отражавшими звездный свет. По пышности и оживлению это празднество ничем не уступало Празднику фонарей на Пятнадцатый день первого месяца.

Ребята во дворе неторопливо переговаривались о городе Циньхуай, и пока они вели беседу, дева Лю и впрямь пожаловала собственной персоной. Она пришла попрощаться и заодно принесла приглашения на пиршество, которое устраивали после Праздника фонарей. Приглашения достались каждому, и даже Цуй Ванчао получил целых два. Лю Цыцзуй передала их все Се Жэню:

— На пике Хоянь я обещала тебе: если удастся поскорее разобраться с Цзюином, я приглашу господина Цуя на Праздник фонарей. Передай ему от меня.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— А для моего старшего брата нет?

Лю Цыцзуй ответила:

— Разумеется, есть! Но к старшему молодому господину клана Фэн из города Иньюэ моим братьям надлежит явиться с личным визитом.

Фэн Цяньсюэ:

— Но у вас приглашение розового цвета.

Лю Цыцзуй:

— И что с того?

Фэн Цяньсюэ произнес непреклонным тоном:

— Брат обожает именно этот цвет.

Лю Цыцзуй:

— ...

Фэн Цяньсюэ протянул руку. В вопросах сватовства он чувствовал себя абсолютно правым и ничуть этого не стеснялся.

Лю Цыцзуй, разводя руками, сдалась:

— Заранее уговоримся: это просто торжественный пир, никакого иного подтекста.

Фэн Цяньсюэ кивнул:

— Дева Лю, можете быть спокойны, мой брат — человек ненавязчивый. Просто в последнее время ему приходится улаживать дела дворца Луаньюй, из-за чего он каждый день сбивается с ног. Получив ваше приглашение, он, возможно, немного поднимет себе настроение.

Беспорядок, оставленный Цзинь Шэнкэ, оказался немалым. Пережив такую встряску, дворец Луаньюй уже не мог удержать четвертое место в мире заклинателей — как бы не вылетел за пределы первой десятки. Поместье Цуй быстро примкнуло к другому клану, но Цуй Ванчао все равно остался рядом с Цзинь Хуном. Каждый день он помогал ему разгребать мелкие хлопоты и рутинные дела, превратившись из прежнего прихвостня, козырявшего чужой властью, в верного друга, готового делить невзгоды. Заботясь о делах, он и сам будто посветлел и приободрился.

Лю Цыцзуй спросила:

— А академия Чанцэ еще не уезжает?

Ли Хуань ответил:

— Господин Чжу собирается проводить А-Жэня на гору Ханьшань, поэтому нам перепало еще полмесяца каникул. Планируем подождать, пока разъедутся все кланы, а потом отправиться на пару дней погулять в город Чуньтаньчэн.

— Неужели только господин Чжу провожает господина Се? — Лю Цыцзуй подперла щеку рукой и с любопытством скосила глаза в сторону.

— Еще помещик Се и госпожа Нин, — Фэн Цяньсюэ присел. — Дева Лю, вам не нужно смотреть на меня, я вернусь с учителем в бессмертную обитель Циньай.

— Вот именно, А-Жэнь же не трехлетний малыш, чтобы на учебу его провожали семеро-восьмеро человек, — подхватил Ли Хуань. — А вот когда он завершит обучение и вернется, мы сможем пойти встретить его все вместе, заодно посмотрим, насколько сурова и тосклива та гора Ханьшань.

Лю Цыцзуй посмотрела на него с глубоким восхищением: «Столько времени прошло, а вы вдвоем до сих пор ничего не заметили? Это же надо обладать таким талантом!»

Фэн Цяньсюэ заварил новый чайник чая. Ему не нравился владыка Яоцюэ — настолько, что он даже видеть его не хотел, а в последние два дня это неприятие только усилилось. Порой, когда Се Жэня вызывали и тот возвращался, пахнувший древесным благовонием, Фэн Цяньсюэ подсознательно отстранялся. Се Жэнь, видя, что тот не в духе, конечно же, не стал

навязываться с разговорами о проводах. Так они и договорились: попрощаются здесь, а в глухую зиму, когда выпадет снег, снова соберутся в городе Синхуа, чтобы встретить Новый год.

Позже пришли прощаться Тань Шаньсяо и Тань Шаньюй. В недавней битве с демонами школа Дамин проявила крайнюю отвагу, а Тань Шаньюй из-за своих врожденных духовных очей оказался в центре внимания, став еще одним юным героем наряду с Се Жэнем. Тань Шаньсяо на сей раз наконец-то не нужно было скрывать личность высшего бессмертного Цюньюй, и он с робостью и надеждой спросил, нельзя ли ему посетить бессмертную обитель Циньай...

— Нет, нельзя! — отрезал Се Жэнь. «Я там сам еще ни разу не был, куда ты лезешь? Запрещаю, вставай в очередь!»

Тань Шаньсяо:

— ...

Фэн Цяньсюэ добавил:

— Когда А-Жэнь вернется с горы Ханьшань, я приглашу обоих господ Тань в обитель в качестве гостей.

Еще через несколько дней клан Ци из города Цзиньсю тоже отправился в путь. Хэ Гуй шел в составе их отряда; хоть он больше не занимал пост главы секты, с виду выглядел вполне прилично и чисто: серый халат, серебряная шпилька в волосах, а руки и ноги не скованы путами. Сделав пару поворотов по горной тропе, его силуэт быстро растворился в густом тумане и облаках.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Проводим его еще немного?

— Не стоит, — Се Жэнь спрыгнул с высокого валуна. — Пошли, нам тоже пора возвращаться.

Фэн Цяньсюэ взял его за руку, и они не спеша побрели назад.

Тени тянулись длинными полосами, а солнце ласково грело землю.

<http://bllate.org/book/18374/1766403>